

Когда Российское правительство закрепило казахов на Дону в звании и положении казаков, оно преследовало тройную цель, хотя практические результаты от этого акта не вполне привели к ним.

1) Русскому правительству, обезпечившему брожением среди казахов, надо было расчленив этот народ и закрепить эти части в различных административных районах, по разным губерниям и областям.

2) Введением в состав организма Донского Казачества значительного числа казахов, оно имело ввиду ослабить внутреннюю спайку казаков и, в нужных случаях употребить одного из них в отношении другого в роли „Троянского коня“, какою ролью русской дипломатией того времени был испытаным во всех случаях империалистической политики. Это тем более могло иметь место, потому что донские казаки все еще считались, выражаясь языком этой дипломатии, „не вполне освоенными“.

3) Наделением казахов званием и положением казаков, т.е. искусственно превращая монголов в казахов, оно этих, как бы, молчаливо говорило казакам, что казаки не какой-нибудь особый народ, а просто сословие, по высочайшему соизволению сохраняемое и что казак может быть всякий, кого только император захочет наделить этим „званием“.

В отношении первого задания оно достигло решительных результатов. Казакский народ искусно расчлененный, к тому же уходом своей главной массы обратно в Азию (1771 г.) обессиленный, быстро начал терять свое национальное лицо. Отсюда пошли казаки — Оренбургские, Уральские, Астраханские, Ставропольские, Терские, Донские. Из этих частей только Астраханские и Ставропольские, благодаря своей компактной массе, и Донские, благодаря особо сложившимся условиям жизни в среде донских казаков, национально сохранились. Оренбургские и Терские казаки в значительной степени растворились в окружающей среде, постепенно теряя свой язык, веру, бытовые отличия. Сильно поддались ассимиляции и Уральские казаки. У них уже не было своего духовенства, журулов. Судьба более или менее сохранившихся частей нашего народа в будущем во многом зависит от того, как сложится его дальнейшая жизнь. Если все эти три части, объединившиеся в составе того или иного государства, получают полную самостоятельность в своей внутренней жизни, будут свободно развивать свой язык, литературу, свои религии, будут управляться своей национальной властью и будут хозяйничать на своей земле — они будут жить в своей национальной чистоте. Если окажутся на прежнем положении и правах, то исчезновение и этих частей дело только времени.

Ни в какой доле не была достигнута вторая из указанных выше целей русской власти. Казаки и казахи, оказавшись народами с довольно сходной психологией, бытом и взаимно терпимыми (а общность беды — нация с центра — дала им возможность быстро понять друг друга), мирно, по добрососедски зажили. Совместная работа в одних и тех же полках, участия бо-о-бок в войнах, суп из общего котла и ежедневно соприкасающаяся мирная жизнь со временем еще больше сблизили их и в результате, взамен ослабления друг друга, оказались верной опорой. Тягчайшее испытание этого союза, посланное ему в виде борьбы с большевиками, где казахи поголовно оказались на стороне Казачества, несмотря на то, что они знали силы врагов, окончательно связало их чеством и кровью. Таким образом, ни казаки для казахов и ни казахи для казаков не оказались, по казачьему выражению „врагами под подушкой“, каковая цель преследовалась русским правительством.

В смысле третьей части из указанных выше целей Россия имела и много других средств воздействия, как моральных, материальных и даже физических и наделение казачьим „званием“ казахов было одной из тысячи „мероприятий“. Поэтому в этой политике русское правительство в отношении казаков много достигло.

В результате всех этих „мероприятий“, мы видим ныне казахов — просто, национально сохранившихся и „русских казаков“ с пораженным самосознанием, с забытым

духом, что значительно осложняет вопрос казахского возрождения. Одна половина, хотя и ничтожная по численности, кажется, и не желает этого возрождения.

Разбирая эти моменты из жизни казаков и калмыков, мы желаем напомнить нашим молодым собратьям, что для малых народов, оказавшихся под угрозой посягательств со стороны сильных соседей, имеет громадное значение сочетание сил для совместной защиты своих прав, а для этого очень важно взаимное понимание, уважение и доверие заинтересованных народных масс.

В этом смысле доброе сожителство донских казаков и калмыков, как показатель исторический прецедент и как психологическая база для расширения казачье-калмыцких взаимоотношений в будущем, в казачьем государственном масштабе, имеет первостепенное значение.

В прошлом эта связь поддерживалась и укреплялась тысячами видимых и невидимых нитей и она была крепка. Ныне же, когда на Родине казаки и калмыки подвергались ужасному террору, расселению и расслоению сознательными действиями русской власти, ясно, что связь эта несколько ослабела. Здесь же, в эмиграции, в состоянии полного рассеяния, в положении, когда почти каждый человек сам лишь только личной жизнью, эта связь также ослабела.

Задача по сохранению этой связи здесь, само собой разумеется, тяжелая на наших общественных работниках „старшего поколения“. Но они, по различным причинам, часто чисто личного характера, свое общение с казачьями своего поколения почти окончательно прервали.

Если бы мы, сознательные казаки и калмыки „второго поколения“ продолжали всецело следовать за нашими старшими братьями, то должны были бы продолжать эту возникшую в эмиграции разнь и, так сказать, завершить их „дело“. Но мы, понимая, как эти казачьи „вожди“, в свое время, подставив под нашу общую священный казачью национально-государственную борьбу чуждую им идею — борьбу за монархическую или социалистическую Россию, свели нас до катастрофы, своевременно опомнившись и приложили усилия к сохранению наших, калмыцко-казачьих, добрых, доверчивых взаимоотношений.

Страницы „Вольного Казачества“, „Калмыцких Воин“ и списки некоторых вольноказачьих организаций, нестремно калмыцкими и казачьими инициативами вперёдому — в значительной степени результат наших стараний.

Но этого все таки мало. Есть у нас еще и „третье поколение“. Это — те молодые казаки и калмыки, детены выехавшие в эмиграцию, здесь учившиеся и выросшие. В их памяти о прошлом нет воспоминаний о калмыцко-казачьих добрых отношениях а потому, ныне, не редкость увидеть молодых казаков и калмыков, для которых эти слова не вызывают в их сердцах теплого биения. И это не хорошо. Если у них нет базы в воспоминаниях о прошлом, так должна быть уверенность в будущем, а во-вторых, они должны приглядываться к своим старшим братьям, которые на одном поле готовятся умереть защищая свое общее право на свободную жизнь.

Это тем более необходимо, ибо духовная и материальная ценность народа представляет из себя кривую, но непрерывную цепь накопленных прошлых поколений, добавлений настоящих, имеющих быть переданными будущим поколениям. Перерыва и разрыва между поколениями без вреда для нации не может быть.

Есть почему мы находим, что наши младшие братья, калмыки и казаки, должны внимательно относиться к совместной общественной жизни, хотя бы в свободной эмиграции, ибо общность судьбы в будущем все таки неизбежна, если только мы не хотим без борьбы умереть.